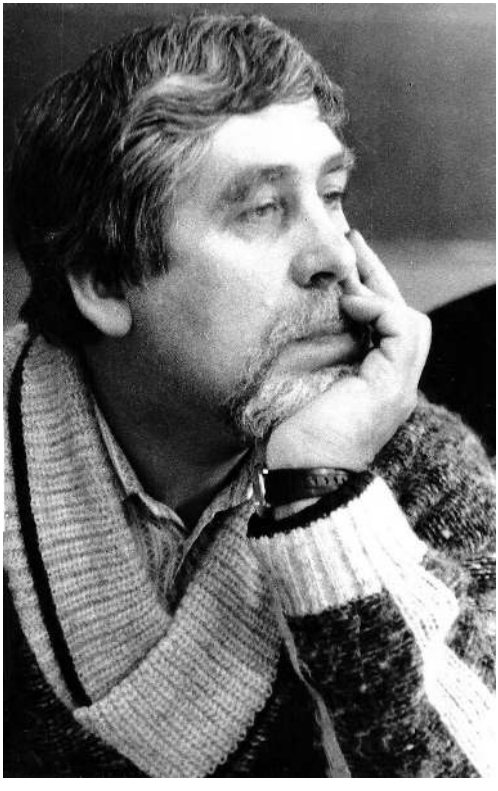
Искренне поздравляем замечательного русского поэта и прозаика, сибиряка, нашего постоянного автора Владимира Петровича Скифа с Юбилеем!



Разговор об этом сборнике начну со стихотворения, которое, на мой взгляд, рассказывает о человеческой сути поэта и гражданина Владимира Скифа:

Как хорошо идти по свету,
По краю звёздного пути
И славу русского поэта
Державной поступью нести,

Как хорошо служить России
И знамя чести поднимать,
Как горестно своё бессилье
В служенье этом понимать...

Привёл это стихотворение первым потому, что для меня суть одного из ярчайших современных поэтов состоит в его постоянной потребности сделать максимум для страны, где родился, вырос и живёт. Поэтому позволю себе не согласиться с двумя заключительными строчками восьмистишия. Скорее всего, они продиктованы тем, что Владимир Скиф всегда ставит перед собой самую высокую планку гражданина. Ведь всё, о чём он пишет, – это служение России своим словом. Разве может человек, не впитавший «с молоком матери» любовь к России, написать:

Столбы гудят и мчатся вдаль,
На горизонте пропадая.
Жнёт перезревшую печаль
В полях бескрайних Русь святая.

Берёза плачет над крестом,
Ей ветер косы расплетает.
И в поле чёрном и пустом
Ворона хриплая летает.

Здесь дом стоял. И от плетня
Меня влекли – судьба и воля.
Теперь в разверстой пасти дня
Калитка хлыбает средь поля.

В ночную копоть скрылся лес,
Господь с России мглу сметает.
Звезда срывается с небес –
И до земли не долетает.

А ведь этим стихотворением поэт открывает книгу. Значит, оно для него программное, центральное. И задаёт интонацию сборнику. Причём сборнику избранных стихов, т.е. тех, которые он считает для себя главными. И здесь, действительно, «*русские смыслы сошлись*», потому что только русский может в такой степени почувствовать, как *«Берёза плачет над крестом, / Ей ветер косы расплетает...» или как «В ночную копоть скрылся лес, / Господь с России мглу сметает. / Звезда срывается с небес – / И до земли не долетает».* Это ведь именно русские образы, и заполнить *«до дрожи»* они могут только русскую душу, которая в этом родилась и продолжает жить в веках.

Конечно, созвучие такие строки вызовут не только у русского, но и у любого, кто наделён способностью ощутить магию поэзии. Но *«до оснований, до корней, до сердцевины»* их может чувствовать только человек с русский душой.

И эта задумчивая печаль *«среди осенней немоты»* – тоже исконно русская:

Свет родины, хлеба созревшие
Простёрлись вдоль моей души.
Осенние, остекленевшие
Молчат болота, камыши.

Берёзы голые, опавшие,
Среди сырых, пустынных дней,
Как девы, замерли над пашнями
В немой стыдливости своей.

Топчу былинок жухлых крошево,
Деревьев волглые листы.
Ищу себя, своё ли прошлое
Среди осенней немоты.

А за ручьём, за тихой рощицей,
Где я влюблялся молодым,
Ещё не выгорел, полощется
Моих печалей горький дым.

И так страдать от того, что происходит в России уже почти три десятилетия, может лишь русская душа:

Милая Русь, ты была оживлённою,
Пела, крестила детей,
Тщилась остаться живой, обновлённою
В мире жестоких идей.

Русских людей без идей не оставили
И без кровавой войны.
Сердце народа напалмом оплавили,
Кол принесли для страны.

Где наши песни, надежды вчерашние?
В душах – сомненье, раскол.
В тело России вошёл телебашнею
Страшный Останкинский кол.

Конечно, любой крупный поэт, оставаясь Художником национальным, невольно выходит из этих пределов и становится интернациональным, потому что есть нечто, объединяющее людей всех национальностей и вероисповеданий. Например, не поддающееся никакому рациональному определению, возвышенное состояние, именуемое вдохновением:

Оно явилось, распростёрло
Свои крыла – издалека,
Перехватив от счастья горло,
Мир поднимая в облака.

Оно несло мне вольнодумство,
Глубин достигло и высот.
Оно свалилось, как безумство,
Как полдень, рухнувший в осот.

В нём были сила и движенье,
И лёгкость чудной высоты.
И бездна слёз, и утешенье,
И рядом – ты и только ты!

Причины этого возвышенного состояния для каждого из нас в разные моменты могут быть разными, но само состояние, дающее *«душе полёт и озаренье»,* у всех одинаково.

Именно поэтому, когда крупный поэт пишет о чём-то личном, в конечном счёте оказывается, что он написал о нашем общем. Казалось бы, каждому знакомо состояние тоски. Но когда оно выливается в строках Мастера, то его личное сразу становится и твоим – будто тобою поведанным, но сказанным так, как ты этого не умеешь:

Журавли поплыли в просини
Над осеннею рекой.
Что мне делать этой осенью
С этой жадною тоской?

С жизнью, в крошево порубленной,
Мной самим среди потерь.
И с тобою, мной погубленной,
Что же делать мне теперь?

Тучи тёмные стараются
Над землёй слезами стать.
Мои годы собираются
Журавлями улетать.

Вот и сны меня забросили...
Не хочу я в поздний час
Оставаться в этой осени
Без твоих бездонных глаз.

Но, конечно, поэт испытывает и такое состояние, какое природой дано испытывать лишь Художнику в самом ёмком понятии этого слова. Эти мгновения называются муками творчества, которые, нередко, вызывают внутренние страдания, вплоть до отчаяния:

Ах, Боже мой! Исчезло лето.
Я просыпаюсь в темноте.
Ищу застывшие предметы,
Шепчу себе: – Не то, не те,

С которыми так просто было
Творить и приникать к листу,
Их что-то ночью изменило,
Они впитали темноту.

Тьма съела дом, калитку, рощу,
А в доме – книги и цветы.
Пытаюсь их найти на ощупь,
Извлечь из плотной темноты.

Но мне предметы не даются:
Ни карандаш, ни плоть листа.
Никак стихи не удаются,
Их поглотила темнота.

Недаром, поэтов издавна называют людьми *«без кожи»*. Именно это и обрекает их на обострённое восприятие всего, что происходит вокруг. У поэта оно постоянно просится на бумагу. А когда, порой, *«Никак стихи не удаются, / Их поглотила темнота»,* переживает он это болезненно.

И потому хочу пожелать моему товарищу, чтобы такие периоды в его жизни были как можно реже, и состояние *«Творить и приникать к листу»* возвращалось всегда.

В замечательной поэме «Месяцеслов», вошедшей в эту книгу, Владимир Скиф написал:

... Как хочется парить, воскрыльями сверкая,
И сеять зёрна слов в родную почву, май!

Хочу добавить: пусть это происходит и во все остальные месяцы года, поскольку в одухотворённых великой любовью и высокой печалью строках замечательного русского поэта Владимира Скифа действительно *«русские смыслы сошлись»*.

Уверен, многочисленные поклонники дарования этого Мастера найдут в его новой – разнообразной по тематике, но очень цельной духовно – книге немало близких собственному мироощущению поэтических открытий, присоединятся к моей благодарности, а все вместе пожелаем нашему глубинному поэту и дальше *«сеять зёрна слов в родную почву»,* потому что всходы от таких «*посевов*» – самого высокого качества.